

- 102 ГАВО, ф.496, оп.1, № 1663, 1747 г., л. 57 об.
 103 ОПИ НГОМЗ, № 10601, л. 9 об.
 104 ОР ГТГ, ф.67, № 365: Докладная записка П.И.Юкина по вопросу о реставрации фресок церкви Рождества Богородицы в Ферапонтовом монастыре, 19.10.1926 г.
 105 ЦГАОРСС, ф.Р-1, № 10: Протоколы отдела архитектурной реставрации Наркомпроса, 1927 г., л.105 об.
 106 ОПИ МАХМЗ, № 383: Годовой отчет Кирилло-Белозерского и Ферапонтова музеев за период с 1 октября 1928 г. по 1 октября 1929 г., л.8.
 107 ОПИ МАХМЗ, № 384: Годовой отчет Кирилло-Белозерского и Ферапонтова музеев с 1 октября 1929 г. по 1 октября 1930 г., л.7.
 108 ОР ГТГ, ф.67, № 365: Отчет о реставрации фресок Ферапонтова монастыря с 30 июля по 21 августа 1930 г.
 109 Там же.
 110 Архив Вологодской СНРПМ, К-В-Ф, инв. № 902.

Глава III

Иконостас собора Рождества Богородицы

Стенопись собора Рождества Богородицы являлась далеко не единственным украшением его интерьера, и если история фресок не изобилует событиями, то этого нельзя сказать о внутреннем убранстве храма — оба его иконостаса не раз подвергались перестройкам, а набор икон, украшавших стены и столбы, постоянно обновлялся.

Несомненно, наибольший интерес представляет соборный иконостас, уже давно привлекающий внимание ученых. О времени его создания, первоначальном виде и коснувшихся его перестройках в научной литературе высказывалось множество самых различных мнений. В работах И.А.Кочеткова, М.Г.Малкина и С.В.Филатова, опубликованных в предыдущем Ферапонтовском сборнике, как бы подводится итог предшествующим исследованиям и вычлениются основные спорные вопросы по истории соборного иконостаса. К сожалению, в указанных

статях далеко не полностью охвачен архивный материал, который позволяет нам однозначно решить некоторые вопросы. Суммируя выводы указанных авторов с многочисленными архивными данными, попытаемся по возможности полностью восстановить историю иконостаса.

Наиболее волнующий вопрос -- это первоначальный вид и конструкция иконостаса Дионисия и наличие или отсутствие в нем праздничного ряда. Наиболее убедительную реконструкцию местного ряда предложил С.В. Филатов, согласно которой в его состав, помимо царских врат, входили четыре иконы, а проходы в боковые апсиды оставались открытыми ¹. Что касается второго ряда, то его расположение ни у кого не вызывает сомнений, т.к. на южной и северной стенах собора достаточно четко читаются гнезда от обоих тябел, державших деисус, а сопоставление их обмеров с размерами сохранившихся икон полностью совпадает ². Но третий, праздничный ряд иконостаса, на сегодняшний день полностью утраченный, ставит перед нами ряд загадок. Все сохранившиеся монастырские описи ХУП и первой половины ХУШ в. называют в его составе 33 иконы ³, благодаря чему их размер несложно вычислить: если ширину собора поделить на количество икон, в результате получим ширину иконы в 33 см, высота будет около 40 см. На такие же размеры праздников указывают две описи ХУШ в.: "...В другом тябле тридцать три образа Господских праздников. Неокладные же цки штилистовые" (т.е. шестилистовые - В.С.) ⁴.

Обратимся теперь к обмерам иконостаса и восстановим его облик к моменту написания первой сохранившейся монастырской описи, т.е. к 1664 г., условно назвав реконструкцию "иконостасом ХУП в.". Три тябла, сохранившиеся в соборе, вероятнее всего, относятся к первоначальному иконостасу ⁵, но если при его перестройке нижнее тябло было чуть приподнято, то второе и третье поменялись местами и оказались сдвоенными. Эта перестановка понадобилась для усиления креплений тяжелого резного иконостаса, поставленного в соборе вместо тяблового в середине ХУШ в. Высота тябел важна сейчас для точной реконструкции иконостаса и в первоначальном порядке их расположения равна 14, 12 и 18 см. Расстояние от современного пола до первого тябла равно 241--242 см, а расстояние между ним и нижней гранью второго тябла -- 154 см ⁶. Прибавим ширину двух тябел и получим высоту, на которой начинался в ХУП в. праздничный

ряд — 42I—422 см. Зная размеры праздничных икон и высоту третьего тыбла, нетрудно вычислить, что оно проходило между отметками 458 и 476 см. Именно на этой высоте на северной и южной стенах в прорубленных пазах видны углубления, которые М.Г.Малкин совершенно справедливо считает гнездами от тыбел⁷. На этом же уровне на поземе композиций "Благовещения", расположенных на столбах над иконостасом, четко читается горизонтальная потертость — след от тыбла (его хорошо видно даже на опубликованных фотографиях)⁸. Штукатурный намет начинается на столбах на высоте 460 см от уровня пола⁹, и нижняя граница потертости почти совпадает с краем штукатурки. Вне всякого сомнения, именно здесь в XVII в. проходило тыбло, на котором крепился пророческий ряд. Система его крепления также не оставляет сомнений — он не мог быть прижат тыблом, т.к. читающиеся выше гнезда от верхнего, четвертого тыбла находятся на расстоянии 95 см от верхней границы третьего, тогда как высота пророческого ряда — 59—62 см. Это четвертое тыбло, неправильно отнесенное И.А.Кочетковым к гипотетической перестройке иконостаса в 1646 г.¹⁰, было установлено здесь в середине XVIII в. для крепления высокого резного иконостаса. Таким образом, пророческий ряд мог крепиться только под наклоном: либо на кронштейнах, либо, что более вероятно, опираясь на специальные столбцы с пазами, прикрепленные под углом к тыблу. Такое крепление объясняет разницу в 80 см между шириной собора (11 м) и общей шириной икон пророческого ряда (10 м 45 см). С углом наклона около 45°, пророческие иконы закрывали нижнюю часть расположенных над иконостасом композиций примерно до линии позема, т.е. на 30—40 см.

Представим теперь иконостас без праздничного ряда, согласно реконструкциям И.А.Кочеткова и С.В.Филатова. Пророческий ряд в таком случае стоит на втором тыбле, верхняя грань которого соответствует отметке 42I см. Предположим, что этот ряд прижимался сверху третьим тыблом; чтобы вычислить его расположение, нужно к уже данной высоте (42I см) прибавить высоту пророческих икон (59—62 см) и отнять суммарную глубину двух пазов (4 см). Расчет показывает, что гнезда этого тыбла должны находиться между отметками 482 и 500 см, т.е. сразу над гнездами, в которых крепилось третье тыбло иконостаса XVII в. На обеих стенах на этом уровне находятся прорубленные пазы, сделанные для выемки тыбел при перестройке иконостаса в XVIII в., но, тем не менее, можно с уверенностью

сказать, что гнезд под тябла здесь никогда не было. Особенно отчетливо это видно на северной стене на композиции "Поклонение иконе Одигитрии": прорубленный над гнездом ХУП в. паз имеет длину около 20 см, кверху он заметно сужается, глубина его постепенно сходит на нет, а над пазом мы видим нетронутую фреску. Все это исключает возможность наличия здесь когда-либо гнезда под тябло. Описанная деталь имеет отчетливое воспроизведение в книге И. В. Даниловой¹¹.

Иными словами, иконостас в этом варианте имел только два тябла, а пророческий ряд крепился наклонно, т.е. таким же образом, как и в описанном нами варианте ХУП в. Поставленные под углом, иконы едва прикрывали бы границу штукатурного намета, который начинается на высоте 460 см (иконостас же с поставленными вертикально пророческими иконами имел бы высоту 480—483 см). Кроме того, зрителю открывался бы практически полностью весь позем, слишком высокий и своей аморфной массой искажающий внутреннее единство композиции. Сцена предстала бы такой, какой мы видим ее сейчас, т.е. без иконостаса — незавершенная в нижней своей части из-за отсутствия горизонтальной огранки, которая, будучи проведенной на том же уровне, что и на соседних композициях столба, оказалась бы видимой для зрителя, под каким углом не стоял бы пророческий ряд. Но отгранки нет, из чего становится совершенно очевидным, что поземы композиций были закрыты иконами, а это, в свою очередь, возможно лишь при более высоком, т.е. четырехъярусном иконостасе.

Приведенные факты, вместе с очень важными замечаниями, высказанными в работе М. Г. Малкина, являются серьезными доводами в пользу четырехъярусности иконостаса Дионисия. Тем не менее окончательно этот вопрос может быть решен благодаря проведению исследований по установлению относительного возраста древесины трех сохранившихся тябел иконостаса. Мы убедились, что в любом случае пророческий ряд крепился наклонно; следовательно, если все три тябла окажутся одного возраста, то иконостас был четырехъярусный, если же одно из тябел окажется моложе — значит в первоначальный трехъярусный иконостас праздничный ряд был добавлен позже. Совершенно очевидно, что в случае перестройки иконостаса не было необходимости заменять тябла старого иконостаса — достаточно было установить третье тябло для крепления праздничного ряда; поэтому установ-

ление одновременности сохранившихся тябел оказалось бы весомым доводом в пользу трехъярусной реконструкции иконостаса.

В существовании додионисиевского иконостаса не приходится сомневаться, т.к. храм не мог простоять 12 лет пустым, и использование Дионисием его икон в своем иконостасе вполне возможно. Высказанные М.Г.Малкиным соображения по этому вопросу представляются весьма убедительными. Однако следует помнить, что большая часть икон была создана артелью Дионисия, и именно они определяли общий вид иконостаса. Кисти Дионисия с уверенностью можно отнести и утраченный средник деисуса, на котором, согласно некоторым описаниям, был изображен "Спас в силах" ¹². В фототеке ДЮИА хранятся фотографии 1915 года, на которых сняты почти все иконы, вынутые из иконостаса при реставрации собора. Этот материал может оказаться весьма полезным для дальнейшего изучения этих икон ¹³.

Если принять четырехъярусную реконструкцию иконостаса, то изменения в его облике на протяжении XVI—XVII столетий происходили лишь на уровне местного ряда, если не считать украшения трех икон деисуса басмьяными складами в 1550-х гг. ¹⁴. Реконструкция местного ряда и его эволюция убедительно изложены С.В.Филатовым ¹⁵. В его первоначальный состав входили две иконы Дионисия — "Сожетствие во ад" и "Одигитрия", а также два образа из старого иконостаса, причем один из них храмовый. В 1530 г. местный ряд дополняется "Троицей", а в середине XVI в. иконами "Богоматерь Неопалимая купина" и "О Тебе радуется". В середине XVII столетия в местном ряду появляется новый храмовый образ, вкладчик которого точно определен И.А.Кочетковым ¹⁶, и "Богоматерь Страстная", вложенная в монастырь "карогопольцем Михаилом" не ранее обретения этой чудотворной иконы в Москве в 1641 г. ¹⁷.

Что касается предложенной И.А.Кочетковым датировки перестройки иконостаса в XVII в. ¹⁸, то если она и была, нет никаких оснований относить ее именно к 1646 г. Вообще датировка на основании одного лишь антиминса, без подкрепления дополнительными данными, представляется весьма сомнительной. Появление на престоле храма нового антиминса далеко не всегда было результатом каких-либо перестроек, как и никакие изменения во внешнем или внутреннем устройстве церкви не требовали обязательного освящения нового антиминса. Из церковных правил мы знаем, что новый антиминс

обязательно клался на новый престол, на основании чего можно датировать построение храма или его ремонт, при котором престол оказался бы перемещенным или перестроенным. Пересвящение же церкви после ремонта, а тем более какие-то изменения во внутреннем убранстве храма, вовсе не влекли за собой непременно появления нового антиминса, хотя иногда эти события совпадали. Чаще антиминс заменялся из-за ветхости, т.к. он активно использовался в ходе службы, или из-за его осквернения ¹⁹.

Ошибочность такого метода датирования можно проследить на примере собора Ферапонтова монастыря. Так, антиминс 1490 г. пролежал на престоле собора до его осквернения в 1613 г., и ни создание дионисиевского иконостаса, ни украшение храма фресками не повлекли за собой его замены. Неужели же появление одного нового ряда в иконостасе могло вызвать появление нового антиминса? Еще один соборный антиминс выдан в 1751 г., на чем И.А.Кочетков основывает датировку нового резного иконостаса ²⁰, который, однако, был поставлен в соборе лишь через два года — в 1753 г. ²¹. Следующий антиминс датирован 1788 г. и существовал минимум до 1846 г. ²². Собор же за это время пережил и ремонт 1794—1798 гг., и другие, менее значительные перестройки. Как видим, ни одна дата соборных антиминсов не совпадает с документально подтвержденными ремонтами. Такие сопоставления можно провести и по другим храмам монастыря, и они дадут аналогичные результаты ²³.

Состав местного ризы на протяжении второй половины ХУП в. практически не менялся. Справа от царских врат помещались "Рождество Богоматери", "Сшествие во ад", "О Тебе радуется", "Богоматерь Умиление" (большая пядница) в киоте, над которой помещались три пядничных иконы; далее находились двери, ведущие в Никольский придел, над которыми располагался "Деисус". Слева от царских врат находились "Троица", "Одигитрия", "Неопалимая купина", "Успение" в киоте (на полях которого были написаны праздники) и "Богоматерь Страстная". Над дверьми в жертвеннике находилась икона "Благовещение" ²⁴. Лишь в описи 1693 г. между иконами "О Тебе радуется" и "Богоматерь Умиление" появился новый образ: "Ферапонт и Мартинаан в житии" ²⁵.

ХУШ столетие стало для иконостаса временем значительных перестроек, проследить которые важно не только для его собственной истории, но и истории стенописи. Г.И.Вздорнов справедливо

отмечает, что в XVIII столетии "при возобновлении стеной живописи часто возобновляли и иконы, а переделка иконостаса заканчивалась, как правило, и поновлением фресок"²⁶. Обедневший монастырь, к счастью, не имел средств для поновления всего собора, но любые значительные работы по иконостасу должны были так или иначе коснуться фресок.

К сожалению, от первой половины XVIII в. осталось всего две описи, причем наиболее ранняя, написанная между 1714 и 1725 гг.²⁷, не имеет первых листов с описанием местного ряда иконостаса. Сравнивая описи 1693 и 1747 гг., мы приходим к выводу, что в структуре местного иконостаса произошли значительные изменения. Прежде всего, поменялся порядок и частично состав его икон: справа от врат мы находим "Сомешствие во ад", "Рождество Богоматери", "Троицу", "Ферапонта и Мартиниана в житии", а также "Распятие", окруженное праздниками; слева — "Одигитрию", "О Тебе радуется", "Неопалимую купину" и "Ферапонта и Мартиниана в молении". Все иконы оказались забранными в деревянные киоты, с полями, обложенными басмой, а три правые иконы были помещены в один общий киот²⁸. Вероятнее всего, эта перестройка произошла в первое десятилетие XVIII в., одновременно с аналогичными изменениями в иконостасе Никольского придела, местный образ которого был поновлен и также помещен в киот, на что указывает упомянутая опись 1714--1725 гг.²⁹

Так или иначе, эти изменения в местном ряду произошли накануне составления описи 1747 г., т.к. в описи 1751 г. мы находим иконостас поновленным и вновь частично перестроенным. Три большие иконы в киоте справа от царских врат остаются без изменений, но за ними оказываются двери в Никольский придел, видимо, расширенные, т.к. над ними теперь помещена икона "Богоматерь Страстная" в киоте с праздниками, знакомая нам по описям XVII в. За дверью — икона "Ферапонт и Мартиниан в житии". Такие же перемещения происходят и слева от врат: три первые иконы остаются на своих местах, за ними располагается дверь в жертвенник, увенчанная иконой "Троица", и "Богоматерь Умиление со святыми" (на одной доске), за дверью — "Ферапонт и Мартиниан в молении". С этим же перемещением следует связывать поновление деисуса и праздников, которые теперь фигурируют не "на золоте", а "на красках"³⁰.

В 1753 г. в соборе был установлен новый резной иконостас, заменивший первоначальный табловый. О точной дате его установки нам сообщает монастырская опись 1763 г.: "В церкви царские двери и сень и столпы резные столярной работы, золочены золотом двойным. По обе стороны дверей иконостас резной столярной работы в четыре яруса, снизу и доверху золочен золотом двойным. Вышеописанные царские двери и иконостас построены в 753 году". Строение местного ряда стало практически таким же, как в 1747 г.: врата отодвинулись вплотную к стене, а между ними и царскими дверями были поставлены восемь местных икон, указанных в предыдущих описях. Между северной дверью и иконой "Ферапонт и Мартиниан в молитви", по-видимому, в столбик, располагались четыре праздничные иконы: "Вседержитель со святыми в молитви", "Богоматерь Казанская", "Николай Чудотворец", "Константин и Елена". Над боковыми дверями помещались четыре небольшие иконы: на северной стороне "Антоний Римлянин в молитви" и "Богоматерь Смоленская", а на южной — "Богоматерь Владимирская" и "Одигитрия". Второй и третий регистры состояли из 26 праздников и 17 икон деисусного чина. Над четвертым, пророческим рядом, состав которого не изменился, возвышалось Распятие с предстоящими Богоматерью и Иоанном Богословом, окруженное резным крестом³¹. В таком же виде мы находим иконостас и в описи 1767 г.³².

Именно тогда, при перестройке 1753 г., праздники первоначального иконостаса были заменены новыми иконами и бесследно исчезли, а анализ ближайших перестройке описей не дает никаких точных данных для выяснения их дальнейшей судьбы. Праздники, написанные "на красках" и не имеющие окладов, казалось бы, должны были выделяться среди множества небольших, но богато украшенных икон, находившихся в храмах Ферапонтова монастыря, но именно из-за их "дешевого" внешнего вида составители описей не останавливали на них своего внимания, и даже подробнейшие описи 1763, 1767 и 1775 гг. дают, как правило, лишь суммарное описание подобных икон: "Разных святых образов писанных на красках неокладных одиннадцать", "на столпе двадцать пять образов разных святых, все писаны на красках" и т.п. Правда, некоторые иконы вполне можно отнести к утраченному праздничному ряду. Таковы, например, "Рождество Богородицы" и "Успение" "на красках" из алтаря церкви Мартиниана,

указанные в описи 1767 г.³³, или находившиеся в 1775 г. в том же алтаре "Распятие" и "Обретение главы Иоанна Предтечи" "на красках, весьма ветхие"³⁴. В той же описи в иконостасе церкви Мартинаана в местном ряду указаны три небольших праздника "на красках" — "Уверение Фомы", "Богоявление" и "Сшествие св. Духа", — просуществовавшие в нем до его перестройки в начале XIX в.³⁵ Но определить точную принадлежность этих и некоторых других икон праздничному ряду соборного иконостаса невозможно: слишком расплывчаты их описания, приведенные в описях. Вероятнее всего, праздники после перестройки иконостаса были распределены по церквам монастыря, т.к. их небольшой размер делал их удобными для использования в качестве аналойных образов, и следы их, таким образом, теряются.

К 1775 г. местный ряд иконостаса оказался вновь перестроенным. Прежде всего были заменены царские двери: если в 1763 г. они были "резные столярной работы", то теперь здесь появляются "резные и наборные виноградные столпы, над ними сень и вокруг святых образов клейма... резные наборные, все вызолочены". Бсковые двери были переставлены ближе к центру, так что между ними и царскими воротами оказалось не по четыре, как прежде, а по три иконы. Их состав и порядок остались прежними за исключением крайнего левого образа, замененного на икону "Кирилы Белозерский и Кирилл Новозерский"³⁶.

Высказанное М.Г.Малкиным предположение о замене центрального образа дейсуса не в момент построения нового иконостаса, а позже³⁷, в ходе анализа описей получило дополнительные подтверждения. В 1773 г.³⁸ старый тьбловый иконостас церкви преп. Мартинаана был заменен новым "резной работы в трех апартаментах", в местном ряду которого появился "образ Господа Вседержителя сидящего на престолы и херувимех, на красках, старинной работы"³⁹. Есть все основания полагать, что перед нами "Спас в силах" из дионисиевского иконостаса, незадолго до 1773 г. замененный новой иконой больших размеров, из-за чего средняя икона пророческого ряда и Распятие оказались значительно приподнятыми. Эту последнюю перестройку соборного иконостаса, наряду с указанными выше перестановками в местном ряду, следует датировать 1772--1773 гг. В таком виде, практически без изменений, иконостас

тас просуществовал до его разборки уже в XIX столетии.

На протяжении XIX столетия иконостас дважды подвергался поновлению. Летом 1833 г. кирилловский мещанин Иван Каменский получил вознаграждение за "поновление икон в Рождественском соборе, праздничных, апостольских и пророческих"; чуть позже иконостас был заново выкрашен ⁴⁰. Следующая починка иконостаса относится, по всей видимости, к 1870 г., когда подрядчику Ларионову было заплачено "за перезолоту и перекраску иконостаса и dopravку икон 100 руб. серебром" ⁴¹. Несмотря на то, что в записи отсутствует точное указание, мы имеем все основания полагать, что речь идет о соборном иконостасе — во всех других храмах иконостасы были обновлены на протяжении предшествующих пятнадцати лет, поэтому они не нуждались ни в "поправках", ни в "перезолоте" ⁴².

Судьба иконостаса и собора во многом схожа: довольно частые перестройки XVII века в XIX столетии сменились затишьем, благодаря чему его иконы сохранились до наших дней. Когда в 1914 г. в Ферапонтовом монастыре началась реставрация, соборный иконостас не оказался обойденным вниманием Комитета. Летом 1915 г. А.Г.Вальтер писал А.В.Оболенскому: "Промывка икон, очистка фресок и починка иконостаса находятся в зависимости от приезда Константина Константиновича (Романова — В.С.), который просил обждать с этими работами его приезда, но еще не был" ⁴³. Тогда же иконы были вынуты из иконостаса и вместе с другими древними предметами сняты ярославским фотографом И.А.Лазаревым. Для работ по стенописи и иконам по рекомендации К.К.Романова в Ферапонтово были приглашены братья М.О. и Г.О. Чириквы ⁴⁵, предполагавшие, судя по составленной ими смете, провести полную их реставрацию, от укрепления до раскрытия из-под записи и тонирования ⁴⁶; однако, запланированные на сезон 1916 г., эти работы так и не были выполнены. Иконы, перенесенные в совершенно непригодное для их хранения холодное подсобное помещение, начали разрушаться, но их укрепление было произведено лишь осенью 1918 г. заехавшим в Ферапонтово из Кирилло-Белозерского монастыря П.И.Акиным ⁴⁷. Тогда же все иконы были осмотрены А.И.Анисимовым, пронумерованы и перенесены в помещения монастырского корпуса, о чем был составлен акт ⁴⁸.

Однако условия хранения икон не улучшились, и уже на будущий год комиссия из Петрограда отмечала "слабое приподнятое левкаса" и рекомендовала провести укрепление грунта на некоторых иконах, что и было выполнено П.И.Юкиным⁴⁹. В 1920 г. иконы по-прежнему хранились в том же помещении и продолжали разрушаться⁵⁰, и посетивший Ферапонтово Л.А.Мацулевич советовал И.И.Бриллиантову хранить их в горизонтальном положении, дабы избежать осыпей грунта⁵¹. Лишь в 1927—1930 гг. некоторые иконы были частично отреставрированы членами экспедиции ЦГРМ, работавшими по фрескам собора⁵². Дальнейшая судьба икон и их распределение по разным музеям страны прослежены И.А.Кочетковым⁵³. Сам же иконостас простоял в соборе до 1930 г., когда, на завершающем этапе реставрации фресок, он был разобран "как не представляющий исторического и художественного значения"⁵⁴.

История иконостаса Никольского придела не столь актуальна, т.к. ни одна из его икон не сохранилась до наших дней, но и она представляет несомненный интерес. Этот небольшой иконостас, устроенный в приделе, как справедливо отмечает И.А.Кочетков⁵⁵, еще до создания росписей состоял всего из шести икон: местного образа Николая Чудотворца "на празелени", находившегося справа от царских врат, и деисуса на пяти досках. Таким мы находим его во всех описях ХУП в.⁵⁶; они же указывают нам на ветхость местного образа и врат, которые, возможно, были перенесены в придел еще из деревянной церкви. Поясной деисус состоял из образов Вседержителя, Богоматери, Иоанна Предтечи и двух Архангелов⁵⁷. Сохранившиеся гнезда от тябел дают возможность высчитать размеры его икон, которые равнялись в среднем 53 x 44 см.

На рубеже ХУП—ХУШ вв. иконостас был частично перестроен — образ Николая Чудотворца поновили и поместили в киот, заменили также царские врата; тогда же слева от врат появилась маленькая икона Одигитрии⁵⁸. В 1772—1773 гг., одновременно с передвижениями в местном ряду соборного иконостаса, иконостас Никольского придела был полностью поновлен и перестроен, но за исключением новых царских врат "столярной работы со столпцами и сенью" и незначительных замен в пядничном ряду состав его икон остался прежним⁵⁹. В таком виде иконостас просуществовал до конца ХУШ в., о чем свидетельствуют описи этого времени.

Перестройка его произошла, по всей вероятности, в 1819 г.⁶⁰, когда здесь был поставлен новый "иконостас на тунбах высеребрённых, деревянной, резной, вызолочен". Все древние иконы, за исключением местного образа Николая Чудотворца, были заменены⁶¹, вероятно, также на старые, но не столь ветхие иконы, перенесённые сюда из других церквей монастыря. К.К.Романов так писал о придельном иконостасе, не претерпевшем с указанной перестройки никаких перемен: "Древние, с потемневшей позолотой царские двери ветхого иконостаса (XVII в.) с древними иконами, как-то лаская, смотрят на предстоящего, вызывая в нем образы минувшего"⁶². Такова краткая история иконостаса Никольского придела, в свете которой по меньшей мере странными представляются выводы И.А.Кочеткова с его перестройке в 1744 г. и полной ликвидации в середине XVIII в.⁶³

Примечания к главе III:

- 1 Филатов С.В. Иконостас и интерьер собора Ферапонтова монастыря. (К проблеме организации внутреннего пространства). — Ферапонтовский сборник, вып. I. М., 1985, с. 58.
- 2 Расстояние между верхней гранью нижнего тябла и нижней гранью второго тябла равно 154—155 см, а высота икон деисуса колеблется между 156 и 159 см.
- 3 Опись 1664 г. — ГАВО, ф.883, № 40, л.9 об.; 1665 г. — ОР ГПБ, Q IV 398, л. 11; 1673 г. — ОР КИАХМЗ, № 91, л. 12; 1680 г. — ГАВО, ф.883, № 59, л.11; 1693 г. — ГАВО, ф.883, № 78, л.17; 1715 г. (?) — ГАВО, ф.496, оп.1, № 450, л.24 об.; 1747 г. — ГАВО, ф.496, оп.1, № 1663, л.60 об.; 1751 г. — ОР ГПБ, F IV 752, л.8 об.
- 4 Эти указания есть в описях 1715 (?) г. (ГАВО, ф.496, оп.1, № 450, л.24 об.) и 1747 г. (ГАВО, ф.496, оп.1, № 1663, л.60 об.).
- 5 К такому же выводу приходит И.А.Кочетков (Кочетков И.А. История иконостаса собора Ферапонтова монастыря. — Ферапонтовский сборник, вып. I, с.75).
- 6 Точность этих размеров гарантируется тем, что они совпадают с цифрами, приведенными И.А.Кочетковым (Кочетков И.А. Ук.соч., с.72—73) и М.Г.Малкиным (Малкин М.Г. К истории иконостаса Рождественского собора Ферапонтова монастыря. — Ферапонтовский

сборник, вып. I, с. 88—89).

7 Малкин М. Г. Ук. соч., с. 89—90.

8 Данилова И. Е. Фрески Ферапонтова монастыря. М., 1970, ил. 20, 23.

9 Эту же цифру приводит С. В. Филатов (Филатов С. В. Ук. соч., с. 56).

10 Кочетков И. А. Ук. соч., с. 73.

11 Данилова И. Е. Ук. соч., ил. 142.

12 На это указывают описи 1714—25 (ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 450, л. 24) и 1747 гг. (ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 1663, л. 60 об.).

13 Фототека ЛОИА, III, № 536—561.

14 Об этом свидетельствует опубликованная П. П. Покрышкиным и К. К. Романовым надпись на тыльной стороне иконы Исаанна Богослотована. См.: Покрышкин П. П., Романов К. К. Древние здания в Ферапонтовом монастыре Новгородской губернии. — Известия Императорской Археологической комиссии, вып. 28. (Вопросы реставрации, вып. 2). СПб., 1908, с. 118.

15 Филатов С. В. Ук. соч., с. 50—51.

16 Кочетков И. А. Ук. соч., с. 77.

17 Настольная книга священнослужителя, т. 3. М., 1979, с. 709.

18 Кочетков И. А. Ук. соч., с. 74.

19 Настольная книга священнослужителя, т. 4. М., 1983, с. 39—46.

20 Кочетков И. А. Ук. соч., с. 71.

21 ЦГАДА, ф. 280, оп. 3, № 746: Опись Ферапонтова монастыря, 1763 г., л. 52 об.

22 Этот антиминс упоминается в описи 1846 г. — ГАВО, ф. 1147, оп. 2, № 1177, л. 1.

23 Ведомость перковного имущества за 1827 г. (ГАВО, ф. 1147, оп. 2, № 506, л. 10) фиксирует в церкви Благовещения антиминс 1751 г., в Богоявленской церкви — 1763 г., в церкви преп. Мартина — 1740 г., в церкви преп. Ферапонта — 1743 г., в Никольском приделе — 1744 г. Эти же антиминсы упоминаются в описях 1775 (ОР ГИБ, Ф IV 753), 1795 (ЦГАДА, ф. 1441, оп. 3, № 800), 1798 (ГАВО, ф. 1173, № 79), 1826 (ГАВО, ф. 1173, № 80) и 1846 (ГАВО, ф. 1147, оп. 2, № 1177) гг. В церкви преп. Мартина, вероятно, были два антиминса, т. к. некоторые описи да-той его освящения называют 1740 г., другие же — 1751 г. В 1837 г. при перестройке храма он был заменен, и это единствен-

ный случай в истории Ферапонтова, когда дата освящения антиминса и ремонта церкви совпадает.

24 ГАВО, ф. 883, № 40, 1664 г., л. 1 об. — 8 об.; ОР ГПБ, Q IV 398, 1665 г., л. 3 об.—10 об.; ОР КИАХМЗ, № 91, 1673 г., л. 4—11 об.; ГАВО, ф. 883, № 59, 1680 г., л. 3—10.

25 ГАВО, ф. 883, № 78, 1693 г., № 7.

26 Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи. XII в. М., 1986, с. 17.

27 ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 450. См. примеч. 17 к главе II.

28 ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 1663, л. 59 об.—60.

29 ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 450, л. 31 об.

30 ОР ГПБ, F IV 752, 1751 г., л. 5 об.—8 об.

31 ЦГАДА, ф. 280, оп. 3, № 746, 1763 г., л. 52 об.—54.

32 ОР ГБЛ, ф. 209, № 501, 1767 г., л. 7 об.—10.

33 Там же, л. 21.

34 ОР ГПБ, F IV 752, л. 29 об.—30.

35 Там же, л. 30 об.

36 Там же, л. 19 об.—22 об.

37 Малкин М.Г. Ук.ссч., с. 93.

38 ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 3067: Выписки из приходо-расходных книг Ферапонтова монастыря, 1771—1774 гг., л. 13 об., 16 об.; ЦГАДА, ф. 280, оп. 10, № 339: Счетный список Вологодской епархии Ферапонтова Белозерского монастыря, 1774—1776 гг., л. 2.

39 ОР ГПБ, F IV 752, л. 30 об.

40 ГАВО, ф. 1147, оп. 2, № 765: Книга расхода денежных сумм Ферапонтова монастыря, 1823—1835 гг., л. 35 об., 36.

41 ГАВО, ф. 1173, № 118: Книга записи расходов церкви Рождества Богородицы упраздненного Ферапонтова монастыря, 1851—1875 г., л. 61 об., 62.

42 Новый иконостас, построенный в церкви преп. Мартинаиана в 1837—1840 гг. (ГАВО, ф. 1147, оп. 2, № 765, л. 7 об., 8 об., II об., 12; ОПИ ИГОМЗ, № 10601: Опись Ферапонтова монастыря, 1856 г., л. 17 об.), был частично поновлен в 1855—1856 гг. (ГАВО, ф. 1173, № 118, л. 18—21 об.); в церкви Благовещения новый иконостас поставлен в 1852—1854 гг. (ГАВО, ф. 1173, № 118, л. 6 об.—14), а в надвратных церквях иконостасы поновлены в 1861—1863 гг. (ГАВО, ф. 1173, № 118, л. 36 об.—41).

- 43 ЦГИА, ф.1107, оп.1, № 47: Князей А.В. и С.В.Оболенских переписка и документы по восстановлению Ферапонтова-Белозерского монастыря, 1913--1917 гг., л. 7 об.
- 44 И.А.Лазарев был приглашен в Ферапонтово по инициативе А.Г.Вальтера, весьма лестно отзывавшегося о нем и сообщавшего, что он "специализировался на снимках архитектуры, фресок, вышивок, икон и т.д., работал для издания ярославских церквей Иоанна Предтечи, Ильи Пророка, снимал иконы И.С.Остроухова и фрески Федора Стратилата" (Архив ЛОИА, ф.29, № 969: Письма А.Г.Вальтера К.А.Романову, л.3—5 об.). 1 августа 1915 г. А.Г. Вальтер сообщал А.В.Оболенскому, что "фотограф (И.А.Лазарев — В.С.) снял уже фрески, на которых есть трещины, переснял все иконы из иконостаса собора, сделал снимки с документов (антиминсов), найденных в престолах собора" (ЦГИА, ф.1107, оп.1, № 47, л.62—63 об.). Большая часть этих снимков сохранилась и сейчас находится в фототеке ЛОИА.
- 45 ЦГИА, ф.1107, оп.1, № 47, л.61.
- 46 Там же, л.64—65 об.
- 47 ОР ГПБ, ф.102, оп.1, № 192, л.15 (письмо И.И.Бриллиантова А.И.Бриллиантову от 10/23 января 1920 г.).
- 48 ОР ГТГ, ф.68, № 59.
- 49 Кочетков И.А. Ук. соч., с.70. Об укреплении икон в 1918—1919 гг. сообщает также А.И.Анисимов (ЦГАОРСС, ф.Р-1, № 19: Протоколы заседания Объединенного совещания реставрационных отделов Москвы и Петрограда, 1921 г., л.49).
- 50 ОР ГПБ, ф.102, оп.1, № 192, л.15.
- 51 Там же, л.32 об. (письмо И.И.Бриллиантова А.И.Бриллиантову от 3/16 января 1920 г.).
- 52 О расчистке деисусной иконы "Иоанн Предтеча" в 1928 г. П.И.Мухиним см.: Из истории реставрации древнерусской живописи. Переписка И.В.Федьшина (1924—1936). Подг. к печати Г.И.Вздорнов.М., 1975, с.79. В 1930 г. было укреплено пять икон (ОР ГТГ, ф.67, № 365: Отчет об экспедиции ЦРМ в Ферапонтов монастырь, 1930 г.) и раскрыт Е.А.Домбровской "Апостол Павел" из деисуса (ОПИ КИАХМЗ, № 384: Годовой отчет Кирилло-Белозерского и Ферапонтова музеев с 1 октября 1929 по 1 октября 1930 гг., л.7 об.).
- 53 Кочетков И.А. Ук. соч., с.70—71.
- 54 ОР ГТГ, ф.67, № 365.

- 55 Кочетков И.А. Ук. соч., с.79.
 56 ГАВО, ф.883, № 40, 1664 г., л.14 об.; ОР ГПБ, Q IY 398, 1665 г., л.16; ОР КИАХМЗ, № 91, 1673 г., л.17 об.; ГАВО, ф.883, № 59, 1680 г., л.17 об.; ГАВО, ф.883, № 78, 1693 г., л.22.
 57 Об этом сообщают описи 1714—1725 гг. (ГАВО, ф.496, оп.1, № 450, л.31 об.—32) и 1747 г. (ГАВО, ф.496, оп.1, № 1663, л.72).
 58 ГАВО, ф.496, оп.1, № 450: Опись 1714—1725 гг., л.31—32.
 59 ОР ГПБ, F IY 753, л.24 об.
 60 ГАВО, ф.1147, оп.2, № 410: Книга расхода денежных сумм Ферапонтова монастыря, 1816—1823 гг., л.10.
 61 ГАВО, ф.1173, № 80, 1826 г., л.4.
 62 Покрышкин П.П., Романов К.К. Ук. соч., с.119.
 63 Кочетков И.А. Ук. соч., с.71, 80.

Глава IV

Церковь преподобного Мартиниана

Церковь преп. Мартиниана была возведена над местом погребения игумена Ферапонтова монастыря Мартиниана, скончавшегося в 1483 г. Его могила вскоре стала объектом поклонения, и Богородице-Рождественский собор был выстроен с таким расчетом, что она оказалась у его южной стены. В 1502 г. около погребения святого была написана фреска, на которой Мартиниан и Ферапонт в виде святых монахов, поклоняются Богородице (о судьбе этой фрески см. ниже). В 1514 г., во время погребения архиепископа Ростовского Иоасафа, жившего в Ферапонтове на покое, были обретыены мощи преп. Мартиниана, а его канонизация произошла в 1549 г. I

По всей видимости, в XVII в. над могилой преподобного возвышалась небольшая часовня, на месте которой в 1640—1641 гг. был выстроен каменный храм. Летопись, вырезанная вязью на каменной плите, вмонтированной у входа, сообщает о точном времени постройки церкви: "Лета 7148 (1640) зачата бысть сия церковь во имя Отца нашего Мартиниана при благоверном царе и великом князе Михаиле Федоровиче всея России и при благословенном цесаревиче великом князе Алексее Михайловиче и при митрополите Вар-

Фреска
 не сохранилась
 1512 или
 1513 по
 моему мнению
 14 г.

Ферапонтов монастырь

Ростов

лааме Ростовском и при игумене Герасиме и при строителе старце *Михаиле* и совершена бысть церковь сия в 1149 (1641) году августа... " 2.

Храм имел восьмигранное шатровое завершение, возвышающееся над низким четвериком, к которому с востока примыкала одна широкая апсида, а с запада — маленькая паперть. В таком виде, с некоторыми перестройками, он дошел до наших дней. По всей вероятности, до середины XVIII в. шатер храма не имел снаружи деревянной обшивки. Так, в описи 1693 г. подчеркивается, что и глава и шатер имеют одинаковый облик: "верх (церкви — В.С.) шатров, глава каменная ж" ³. две описи первой половины XVIII в. отмечают, что паперть церкви "с двух сторон забрана тесом в брус, крыта тесом же", причем ни слова не говорят о покрытии шатра ⁴, и лишь в описи 1763 г. впервые сообщается, что "шатер обит чешуею деревянной" ⁵. Очевидно, кладка шатра под воздействием влаги и выветривания стала разрушаться, что и вызвало необходимость в деревянном лемеховом покрытии, которое было выполнено в середине XVIII в. Эти работы можно считать первым специальным ремонтом церкви преп. Мартиниана.

Деревянное покрытие, вероятнее всего, было сделано незадолго до составления описи 1763 г., т.к. в 1766 г., при ремонте шатров колокольни и надвратных церквей, на шатре церкви Мартиниана никаких работ не проводилось (лемех здесь еще не требовал замены); при этом кровлю на четверике обновили, а на главе церкви поставили новый крест ⁶. Замена покрытий на церкви завершилась в 1768 г. починкой кровли алтаря ⁷.

В 1772 г. по зданиям монастыря проводился "косметический" ремонт, в ходе которого на всех церквях, в том числе и на церкви преп. Мартиниана, были замазаны образовавшиеся трещины, а стены заново побелены. Кроме того, в паперти был сделан новый потолок ⁸, а в 1776 г. на ней же заменена кровля ⁹.

Однако все эти ремонты не касались главного: конструктивной прочности церкви. Недочеты, допущенные еще при ее строительстве, сейчас дали свои результаты. В рапорте, поданном игуменом монастыря в Новгородскую Духовную Консисторию, написанном в середине 80-х гг., говорилось, что "в церкви преп. Мартиниана алтарь со сводами отвалился" ¹⁰. Иными словами, апсида, не имевшая прочной связи с основной частью здания, просела и отош-